

Понятие и признаки преступлений, связанных с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве (криминалистический аспект)

Гармаев Юрий Петрович

доктор юридических наук

профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова"

670000, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6

✉ garmaeff1@mail.ru

Ладошкин Алексей Сергеевич

Заместитель директора ООО «Новосибирская Юридическая Фирма»

630099, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Вокзальная Магистраль, 15, оф. 614

✉ aleks-140@yandex.ru

Гармаева Дарима Андреевна

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова

671050, Россия, республика Бурятия, село Иволгинск, квартал Студенческий, 5

✉ darima.shandibaeva@mail.ru

Васильева Лариса Геннадьевна

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова

670000, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Ботаническая, 3 б

✉ larisav76@mail.ru

[Статья из рубрики "Профилактическая деятельность полиции"](#)

Аннотация.

Преступления, связанные с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве, являются не только широко распространенными, но и высоко латентными. Практика нуждается в создании системы научно-обоснованных рекомендаций, которые бы позволили оптимизировать борьбу с обозначенными преступными посягательствами. Предметом исследования является выявление, раскрытие и расследование преступлений, связанных с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве. С учетом этого цель настоящей публикации - определение основных критериев создания системы криминалистических рекомендаций, призванных повысить эффективность обозначенных направлений деятельности сотрудников правоохранительных органов. В ходе исследования применялись всеобщий метод познания явлений окружающей действительности, а также системный, формально-логический, социологический методы, анализ, синтез,

моделирование и абстрагирование. Анализ судебной-следственной практики дает основание заключить, что уголовно-правовой подход к объему понятия фальсификации доказательств (ст. 303 УК РФ) не соответствует целям и задачам криминалистических исследований. Для создания соответствующей криминалистической методики это понятие и определение должно быть более широким, включающим несколько групп сопутствующих преступлений: 1) против правосудия, 2) экономических и коррупционных, 3) связанных с применением насилия к участникам процесса, 4) иных сопутствующих. Должны быть учтены также криминалистически значимые особенности соответствующей преступной деятельности, такие как специфика ее обстановки, субъектов, особыми их целями, типовым корыстным мотивом и др. Авторы формулируют криминалистически значимое понятие группы преступлений рассматриваемого вида, определяют основания формирования (предмета) частной криминалистической методики расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

Ключевые слова: фальсификация доказательств, гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство, криминалистическая методика, преступления, корыстный мотив, нераспознаваемые преступления, подделка доказательств, уничтожение доказательств, подмена доказательств

DOI:

10.25136/2409-7810.2019.2.29521

Дата направления в редакцию:

22-04-2019

Дата рецензирования:

23-04-2019

Дата публикации:

25-04-2019

Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации НШ 4484.2018.6

Уголовный закон устанавливает ответственность за преступления, связанные с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Так, часть первая статьи 303 УК РФ криминализирует фальсификацию доказательств по гражданскому, административному делу лицом в нем участвующим, или его представителем, а равно фальсификацию доказательств по делу об административном правонарушении участником производства по делу об административном правонарушении или его представителем, а равно фальсификацию доказательств должностным лицом, уполномоченным рассматривать дела об административных правонарушениях, либо должностным лицом, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях. Такие посягательства в соответствии с уголовным

законом относятся к преступлениям небольшой тяжести.

Вторая часть рассматриваемой статьи УК РФ в качестве преступных определяет фальсификацию доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником. Такие посягательства уже относятся к категории средней тяжести.

Обратим внимание и на часть 3 ст. 303 УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу о тяжком или об особо тяжком преступлении, а равно фальсификацию доказательств, повлекшую тяжкие последствия. Преступление этого вида может быть совершено как в уголовном, так и в гражданском процессе (с учетом квалифицирующего признака «тяжкие последствия») и уже относится к категории тяжких.

Однако, так или иначе, понятие фальсификации доказательств уголовный закон не раскрывает. Практические работники рассуждают об этом весьма лаконично, отмечая, что этимологически слово «фальсификация» в русском языке произошло от латинского «*falsificare*», которое означает подделывание чего-либо, искажение, подмену подлинного ложным, мнимым [\[1; 2\]](#).

В то же время представители науки уголовного права разворачивают оживленную дискуссию по поводу рассматриваемого понятия. Так, позиция В.Н. Кудрявцева сводится к тому, что объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ, выражается в таких действиях как искажение, уничтожение, сокрытие либо искусственное создание доказательств [\[3, с. 453\]](#). С.А. Маркунцов отмечает, что действия по фальсификации состоят в подделке, искажении (в том числе путем уничтожения), подмене подлинной информации (ее носителей), предметов, выступающих в качестве доказательств, информацией (ее носителями), предметами ложными, искусственными, полученными из ненадлежащего источника. При этом важно установление именно факта подмены, при котором фальшивые доказательства выдаются за подлинные. Этот же автор указывает, что анализируемое преступление признается оконченным с момента представления суду фальсифицированных доказательств, а в ч. 3 ст. 303 УК РФ речь идет о наступлении тяжких последствий, понятие которых является оценочным. Такие последствия могут заключаться, например, в незаконном осуждении, тяжелом заболевании потерпевшего, потере им работы и т.п. [\[4\]](#).

Признавая важность предлагаемых определений необходимо отметить, что при разработке соответствующих прикладных криминалистических рекомендаций, призванных оптимизировать борьбу с обозначенными преступными посягательствами, вряд ли целесообразно ограничиваться лишь объемом понятия фальсификации доказательств. Дело в том, что уже длительное время ученые криминалисты и криминологи, а также практические работники актуализируют необходимость создания систем научно-обоснованных рекомендаций, которые позволили бы повысить эффективность выявления, раскрытия и расследования наиболее опасных видов организованной и коррумпированной преступной деятельности, связанной с фальсификацией доказательств в гражданском процессе, но при квалификации не ограничивающейся составами преступлений, предусмотренных статьями 303 и 327 УК РФ.

Речь, прежде всего, идет о преступных посягательствах, выражающихся в приобретении права на чужое имущество посредством использования судебных решений, полученных в порядке гражданского или арбитражного судопроизводства на основе заведомо недостоверных, фальсифицированных доказательств.

И здесь интересно обратиться к разъяснениям, данным по рассматриваемому вопросу Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 30 ноября 2017 года №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», где дается новая, более широкая по сравнению с предшествующей, трактовка обмана как способа мошенничества. Так, разъясняется, что такой обман может быть направлен как на владельца имущества, так и на иное лицо, которое под влиянием обмана передает имущество или право на него другому лицу либо не препятствует изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом. При этом отмечается, что, если мошенничество совершено в форме приобретения права на чужое имущество, преступление считается оконченным с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным... И далее в постановлении Пленума Верховного Суда РФ приводятся следующие примеры: *«...с момента регистрации права собственности на недвижимость или иных прав на имущество, ...со дня вступления в силу принятого уполномоченным органом или лицом, введенным в заблуждение относительно наличия у виновного или иных лиц законных оснований для владения, пользования или распоряжения имуществом, правоустанавливающего решения» (в том числе судебного решения) (курсив и примечание наши – авторы) [5].*

С учетом изложенного, полагаем, вряд ли будет оспорен тезис о том, что для целей создания частной криминалистической методики расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве, необходимо исходить из понятия «фальсификация» в криминалистическом его понимании, которое, несомненно, шире понятия уголовно-правового. Первое должно охватывать всю преступную деятельность в соответствующей сфере и включать в себя помимо собственно фальсификации доказательств в гражданском и арбитражном процессе (ст. 303 УК РФ) еще и ряд смежных деяний, которые совершаются с нею в совокупности. Речь идет о преступлениях, предусмотренных статьями 327, 159, 290, 291, 291.1, 294, 307, 308, 309 УК РФ и другими. В этой связи, полагаем, интересно привести мнение ряда исследователей. Так, О.Я. Баев отмечал, что лжесвидетельство, несомненно, подпадает под понятие фальсификации в широком смысле слова, хотя таковое (лжесвидетельство) не включено в диспозицию ст. 303 УК РФ. Это самостоятельный состав преступления (ст. 307 УК РФ) [6, с. 230]. Во многом разделяет приведенное суждение и С.В. Свиридов, который, рассуждая об объективной стороне преступлений, предусмотренных ч.2 и 3 ст. 303 УК РФ, выделяет следующие способы их совершения: уничтожение, кража, сокрытие, изменение доказательств, изготовление заведомо ложного доказательства, а также бездействие, выраженное в умолчании субъектом преступления о существовании доказательства по уголовному делу, которое было совершено в целях искажения объективных сведений о юридически значимых обстоятельствах [7].

Прежде чем перейти к уяснению предлагаемого широкого – криминалистического подхода, полагаем целесообразно проанализировать, а точнее сформировать понятие и признаки преступлений, связанных с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве. В этой связи необходимо сделать несколько замечаний.

Так, в рамках проведенного нами исследования было выявлено наличие так называемого феномена «нераспознаваемости» преступлений анализируемой категории. Впервые данный феномен описал один из авторов настоящей статьи – Ю.П. Гармаев в издании 2005 года «Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве»

[\[8, с. 113\]](#). В силу важности уяснения сущности и содержания феномена «нераспознаваемости» предлагаем рассмотреть его более подробно, для чего считаем возможным привести фрагмент текста указанной работы.

Дело в том, что личная практика каждого следователя, дознавателя, оперуполномоченного, прокурора, судьи в той или иной степени однообразна. В результате этого возникают несколько упрощенные, шаблонные представления о преступности и неправомерности тех или иных посягательств. Хранящиеся в нашей памяти эталоны, «образцы» деяний, которые, как нам подсказывает наша практика, точно подпадают под признаки того или иного состава, часто мешают нам даже задуматься над тем, может ли быть квалифицировано как преступление то или иное общественно опасное деяние, которое мы ранее не расследовали (не рассматривали). А уж если мы не можем припомнить, чтобы вообще кто-либо и где-либо квалифицировал похожее деяние как преступление, то сознательно или подсознательно многие из нас вообще отказываются обращать внимание, задумываться над этим. В результате в практике образуются и широко распространяются десятки типичных и весьма опасных нераспознаваемых, «неузнаваемых» преступлений. Причем, бывает так, что мы каждый день можем «спотыкаться» о них, сетовать на существенный вред, которые они причиняют личности, обществу, государству и, тем не менее, все-таки не распознавать в них признаки конкретных составов преступлений» [\[8, с. 113-114\]](#).

В отношении преступлений, связанных с фальсификацией доказательств в гражданском процессе, обозначенный феномен «нераспознаваемости» проявляется в том, что даже с учетом возможности привлечения к уголовной ответственности за совершение фальсификации доказательств и связанных с нею преступлений профессиональными юристами [\[9\]](#) (в числе которых стороны, представителями сторон, сотрудники правоохранительных органов, судьи) соответствующие нормы УК РФумышленно или неумышленно, но все же в большинстве случаев попросту игнорируются.

Указанное подтверждается, кроме прочего, и данными, полученными эмпирическим путем в Республике Крым, в Сибирском федеральном округе и в Хабаровском крае. Анкетирование и интервьюирование проводилось в отношении 75 юристов, ранее представлявших интересы своих доверителей в суде по гражданским и арбитражным делам, и 120 граждан – представителей широких слоев населения, имеющих опыт участия в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Так, 52 % из числа юристов и 33 % из числа граждан указали, что по их опыту о фактах совершения преступлений в рамках процесса формирования доказательств в гражданском или арбитражном судопроизводстве так и не было заявлено; суд и участники процесса проигнорировали явно преступный характер инцидента; было отказано в возбуждении уголовного дела либо возбужденное дело прекращено по различным основаниям.

Анализ судебно-следственной практики позволяет заключить, что информация о совершении преступлений, связанных с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве, поступает в правоохранительные органы, как правило, только в тех типичных ситуациях, когда сторона в процессе, чьи права и интересы были по ее мнению грубо нарушены, опасается, что ее требования не будут удовлетворены и решение суда будет принято не в ее пользу.

При этом следует отметить, что часто преступления, предусмотренные ч. 1, 3 ст. 303, ст. 327 УК РФ (назовем их, для краткости, основными преступлениями, связанными с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве),

являются лишь способом достижения главной преступной цели (например, мошенничества, преднамеренного банкротства, «рейдерского» захвата предприятий) либо, напротив, являются причиной совершения других преступных посягательств (например, дачи взятки должностному лицу, которое оказало помощь в изготовлении подложного доказательства, поставило печать на фиктивный документ и т.п.). Соответственно, факт выявления «основного» преступления, связанного с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном процессе, служит веским поводом для проведения углубленной доследственной проверки, расследования и выдвижения типовых версий по поводу иных связанных с ними «сопутствующих» преступлений (подробнее см. ниже).

Исходя из вышеизложенного, еще раз подчеркнем, что наиболее целесообразной является разработка криминалистической методики расследования не только собственно фальсификации доказательств (ч. 1 и 3 ст. 303 УК РФ) в гражданском процессе, а всей группы связанных с ней преступлений.

Кроме того, необходимо отметить, что противоправная деятельность, связанная с фальсификацией доказательств в гражданском процессе, не всегда носит исключительно преступный характер и может включать в себя гражданско-правовые деликты, административные правонарушения и деяния, не имеющие признаков противоправности (например, ошибка при оформлении документов, которые были представлены в качестве доказательства). При этом здесь же следует указать, что маскировка преступных деяний, связанных с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном процессе, под непроступные, неумышленные является типичным способом сокрытия таких преступлений и/или типовой правовой позицией стороны защиты.

Подводя некий промежуточный итог, отметим, что для целей построения криминалистической методики расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств в гражданском процессе, необходимо определить характерные криминалистически значимые их признаки. Изучение научной литературы, анализ судебно-следственной практики позволили выделить несколько таковых:

1. *Специфика обстановки.* Преступления рассматриваемой категории совершаются в отличной от иных сфер судопроизводства обстановке, характеризующейся следующим: 1) отличающийся от уголовного судопроизводства порядок судебного разбирательства и принятия решения по делам, определенный совокупностью правовых норм (преимущественно диспозитивного характера) гражданского и арбитражного законодательства; 2) более широкий по сравнению с уголовным процессом перечень субъектов, участвующих в гражданском или арбитражном деле; 3) специфический перечень доказательств, которые могут быть представлены в гражданском и арбитражном судопроизводстве (в том числе с использованием электронных средств доказывания).

2. *Обусловленность относимостью к более крупной группе преступлений.* Данную – основную группу преступлений можно рассматривать как часть двух более общих групп посягательств: преступлений, связанных с доказыванием в судопроизводстве, и преступлений против правосудия (гл. 31 УК РФ), методики расследования которых до настоящего времени недостаточно разработаны.

3. *Особенности личности субъектов.* Преступления анализируемой категории, как правило, совершаются участниками гражданского и арбитражного процесса,

представителями участвующих в нем сторон, профессиональными юристами, в основном, в связи с их профессиональной и иной хорошо известной им деятельностью. В тоже время такие субъекты не всегда обладают столь же глубокими знаниями, опытом в области уголовного судопроизводства, более того, им присущ некий правовой нигилизм в уголовно-правовой сфере.

4. *Противоправная цель и корыстный мотив.* Преступные посягательства, связанные с фальсификацией доказательств в гражданском процессе, характеризуются тем, что участники гражданского и арбитражного судопроизводства (прежде всего, истец и ответчик) и иные заинтересованные лица имеют частный интерес, материальную (как правило) и/или иную личную заинтересованность в деле, а потому часто имеют цель разрешения дела в свою пользу *любой ценой*. При этом, чем больше цена иска — «стоимость дела», тем выше вероятность совершения обозначенных преступлений, тем более опасные формы может приобретать преступная деятельность.

5. *Специфические совокупности преступлений.* Ранее мы уже отмечали, что преступления анализируемой категории в криминалистическом аспекте необходимо рассматривать как совокупность «основной» группы посягательств — собственно фальсификации доказательств (ч. 1 и 3 ст. 303 УК РФ) + подделки документов (ст. 327 УК РФ) и сопутствующих. Такие сопутствующие преступные посягательства можно разбить на четыре основных группы: 1) против правосудия, 2) экономические и коррупционные, 3) связанные с применением насилия к участникам процесса, 4) иные сопутствующие. С учетом изложенного следует констатировать важную и значимую в практическом плане закономерность данного типа преступной деятельности: при квалификации она чаще всего подпадает под признаки различных, порой сложных совокупностей (реальных и идеальных) составов преступлений.

6. *Слабая распознаваемость.* Этот признак не вошел в определение (предложенное ниже) по технико-юридическим соображениям, но заслуживает повторного описания. Как уже отмечалось, преступления, связанные с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве, относятся к числу нераспознаваемых или слабораспознаваемых. Это проявляется в том, что, несмотря на очевидный для юристов уголовной специализации криминальный характер соответствующих деяний, сторонами, представителями сторон — профессиональными юристами-цивилями, и даже судьями (опять же цивилистами), как правило, игнорируется необходимость принятия мер, направленных на выявление преступлений и изобличение преступников.

На основе всего вышеизложенного полагаем возможным дать определение группы преступлений анализируемой категории. Заметим, что такое определение и будет являться основанием формирования (предмета) соответствующей криминалистической методики. Итак, преступления, связанные с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве, представляют собой предусмотренные рядом норм уголовного закона (ч. 1 и 3 ст. 303, 327 УК РФ и четыре группы сопутствующих) общественно опасные деяния, являющиеся частью криминальной деятельности, связанной с доказыванием в гражданском процессе и другими укрупненными группами преступлений, совершаемые лицами, имеющими, как правило, корыстный мотив и цель разрешения соответствующего дела в пользу той или иной стороны любой ценой, реализуемые путем подделки, искажения, уничтожения, подмены доказательств и их источников, иными способами противоправного воздействия на доказательства и доказательственную информацию, на ее носителей, а также на иных лиц, участвующих в соответствующих правоотношениях.

Резюмируя изложенное отметим, что разработка частной криминалистической методики расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве, по нашему мнению, должна осуществляться на основании сформулированного нами определения и признаков обозначенных преступлений.

Библиография

1. Проблемные вопросы фальсификации доказательств // Официальный сайт Прокуратуры Ростовской области: URL: <http://www.prokuror-rostov.ru/news/3070.html>
2. Фальсификация доказательств в арбитражном процессе // Арбитр.ру: Арсенал бизнес решений: URL: http://arbir.ru/articles/a_1988.htm.
3. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.В. Наумова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. 543 с.
4. Маркунцов С.А. Комментарий к статье 303 [Электронный ресурс] // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков и др.; под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Баев О.Я. Избранные работы по проблемам криминалистики и уголовного процесса (сборник). М.: ЭКСМО, 2011. 608 с.
7. Свиридов С.В. Объективные признаки фальсификации доказательств по уголовному делу // Вестник экономической безопасности.-2016.-№ 5. – С. 235-240.
8. Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве: Учебник.М.: Издательство «Экзамен», 2005. 512 с.
9. Бунин О.Ю. Составы фальсификации доказательств установлены в уголовном законе непоследовательно и несправедливо // Евразийская адвокатура. – 2017.-№ 1 (26). – С. 53-56.